

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»

Водомеров Николай Кириллович

доктор экономических наук, профессор. Курский филиал Российского государственного торгово-экономического университета, заведующий кафедрой экономических дисциплин
г. Курск, Российская Федерация E-mail: vodomerovnik@gmail.com

Двадцать пять лет назад в России и других республиках СССР под видом «рыночных реформ» началась реставрация капитализма. Необходимым условием победы пробуржуазных сил было подавление пропаганды марксистско-ленинской идеологии и ее вытеснение из всех сфер воздействия на умы граждан.

В сфере образования это, в частности, выразилось в замене, – на основе постановлений и под нажимом властных структур, – дисциплины «политэкономика» на «экономическую теорию» («микро - и макроэкономику»). Содержание последней, по сути, копировалось с англоязычных учебников «Economics», основанных на ряде немарксистских теорий, прежде всего – неоклассике и неоклассическом синтезе. Поэтому многие преподаватели стали называть ее «экономикс», подчеркивая специфичность ее методологии, положений и выводов.

Издание первых российских учебников по этой дисциплине финансировалось Фондом Дж. Сороса (который, кстати, в настоящее время вполне раскрыл свое подлинное отношение к нашей стране, советуя странам ЕС принять участие в прямой военной конфронтации на стороне Украины против России) [1].

Позднее к «экономикс» добавилась еще одна дисциплина, заимствованная главным образом из англоязычных источников, – «институциональная экономика», в основе которой лежит новая институциональная теория, представляющая собой, по сути, применение неоклассической методологии к анализу разнообразных институтов.

Бывшим политэкономам пришлось обучать студентов вновь введенным дисциплинам. Одни это делали, полагая, что преподносят молодежи самые передовые знания. Другие же в большей или меньшей степени критически оценивали научную состоятельность положений и выводов экономикс, способность экономикс стать основой для решения животрепещущих проблем общественного развития. Часть их осталась на позициях марксистской политической экономии, или, по крайней мере, не ушла с них полностью, пытаясь продолжать применение ее методологии для изучения новых явлений. Но многие двинулись на поиски альтернатив, как марксистской политэкономии, так и экономикс и неоинституционализму.

Похожая ситуация сложилась и в целом в экономической науке. Экономисты-теоретики разделились на сторонников экономикс, – в котором будто бы отражен mainstream современной науки об экономике, – и на тех, кто искал истину в рамках других направлений, в том числе – политической экономии.

Двадцать пять лет «перехода к рынку» не привели Россию к процветанию. Напротив, пройдя через тяжелые 90-е, кризис 2008–09 гг., страна сегодня вновь оказалась в сложной ситуации. Это – и усиливающийся сырьевой характер экономики (посадка на «нефтегазовую иглу»), и глубочайшее социально-экономическое неравенство, и разрушение значительной части научно-технического потенциала страны, и низкий уровень производственных инвестиций при огромном оттоке капитала за рубеж и высокой степени износа технической базы большинства предприятий, и т.д., и т.д.

Негативные последствия реставрации капитализма, активизировали усилия экономистов в научном поиске и обосновании путей развития Отечества, в большей степени отвечающих интересам народа. Поскольку же реставраторы капитализма для обоснования своих деяний ссылались на неолиберальную доктрину, теоретическим оформлением которой служит неоклассика, то экономисты, не ставшие адептами неоклассики, стали объединяться для преодоления засилья неолиберализма в сфере идеологии и создания равных условий для проповедования иных взглядов, в том числе – в преподавательской деятельности. Усилились стремления к разработке научных направлений, альтернативных неоклассике.

Преподавание экономикс, как уже говорилось, было навязано по политическим мотивам, для вытеснения политической экономии и в качестве ее антипода. Поэтому перед сторонниками альтернатив неоклассике одними из первых неизбежно встали вопросы о том, сохраняет ли политэкономия познавательный потенциал в современном мире, способна ли она стать фундаментом для определения путей возрождения России.

Необходимость широкого обсуждения этих вопросов привела к проведению в 2010 году Международной конференции по проблемам развития политической экономии. В 2011 году состоялась учредительная конференция Международной политэкономической ассоциации стран СНГ. В ней приняло участие более 80 ученых из России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Такие конференции стали регулярными. В 2012 году в Москве прошли два международных конгресса: Первого политэкономического конгресса стран СНГ (апрель 2012 г.) и Первого международного конгресса политэкономов-марксистов (ноябрь 2012 г.). Инициаторами Первого политэкономического конгресса стран СНГ выступили Институт экономики РАН, ряд ведущих вузов страны и общественных научных организаций. В работе конгресса приняли участие не только российские экономисты, но и ученые из других стран – Украины, Белоруссии, Казахстана, США, Германии, Франции.

Вопросам политэкономии был посвящен Форум марксистов, прошедший 25–26 октября 2014 года (Инициатор – Международная ассоциация политэкономов-марксистов).

3–14 мая 2015 года состоялся II Международный политэкономический конгресс, посвященный проблеме возрождения политико-экономической науки и проводившийся под девизом: «Возвращение политэкономии» (главные организаторы: Международная политэкономическая ассоциация, Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Институт экономики РАН.).

В русле нарастания интереса к политической экономии была подготовлена и рецензируемая коллективная монография: Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее» под редакцией В.М. Гейца, В.Н. Тарасевича¹. Книга посвящена 400-летию политической экономии.

Монография дает представление о последних разработках достаточно авторитетного коллектива ученых. В ее написании приняли участие 63 автора, представляющих Украину, Россию, Белоруссию и Казахстан. В их числе – 11 академиков, 6 членов-корреспондентов, подавляющее большинство имеют ученую степень доктора наук.

¹ Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее / под ред. В. М. Гейца, В. Н. Тарасевича.– Киев.: ЦУЛ, 2014. – 1058 с.

Как указано в предисловии (В.Н. Тарасевич), материалы монографии разнородны, «... плюралистичны, но едины в приверженности идеалам и нормам нашей науки и наших учителей, готовности достойно ответить на вызовы современности» [с. 9].

В монографии обсуждается широкий круг вопросов, так или иначе связанных с политической экономией. Остановимся на тех из них, которые представляются нам наиболее важными.

Это прежде всего вопрос о *предмете политической экономии*. Без четкого ответа на него невозможно идентифицировать политическую экономию, выделить ее из круга дисциплин, так или иначе изучающих общество, и определить ее место в системе этих дисциплин.

Авторы монографии не проявили единогласия в понимании как предмета политической экономии, так и ее роли в системе наук об обществе. Остановимся на ряде сформулированных в монографии позициях в понимании этих вопросов.

А.В. Сидорович [с. 210], А.В. Бузгалин [с. 556], М.И. Воейков [с. 288], У.Ж. Алиев [с. 30] под предметом политической экономии, по сути, понимают производственные отношения с добавлением того или иного их уточнения. Из такого понимания следует трактовка политэкономии «в широком смысле», т.е. изучающей самые различные системы производственных отношений. По их мнению, политическую экономию необходимо развивать дальше, как основу понимания общественных явлений. М.И. Воейков даже подчеркивает, что без «политэкономического самопонимания, самосознания» «...Россия рискует превратиться в полуколониальную страну, даже хорошо не понимая этого» [с. 290]. Правда, У.Ж. Алиев полагает, что политэкономия «перерастает» в «теоретическую экономию», которая «...призвана *воссоединить, синтезировать, а в будущем синергетизировать теоретическую составляющую не только собственно экономического как такового, но и отчасти неэкономического знания через ее предметную специфику в условиях усиливающейся другой тенденции современности – интеграции всего массива знания как такового, научного знания в частности о сущем (и где-то о должном) по принципу межзнаниевого, межнаучного и междисциплинарного взаимоположения, взаимодействия, взаимовлияния, взаимодополнения*» [с. 32].

Ю.М. Осипов, напротив, суживает предмет политической экономии, ограничивая его рамками лишь капиталистической экономики, и поэтому полагает, что «время политэкономии ... уже ушло», поскольку «объект познания» в современной действительности, т.е. хозяйство – «не материалистический и не механический, не тотально научный и совсем не физический», «а почти сплошь эзотерико-метафизический» [с. 663–664]

В.Н. Тарасевич, в свою очередь, расширяет предмет политэкономии за рамки производственных отношений, включая в него различные формы богатства экономического и социального богатства. Причем производственные отношения рассматриваются им лишь в связи со стоимостной формой экономического богатства, наряду с которой им выделяется также полезностная форма экономического богатства [с. 185–187]. При этом автор считает политическую экономию «общей кровной матерью» всех «современных многочисленных экономических наук» [с. 182].

По мнению А.А. Гриценко, «Политическая экономия изучает совместно-разделенные отношения во всех экономических явлениях и процессах. В этом состоит специфика ее собственного предмета». Как пишет, автор, «... исходным экономическим отношением, порождающим человека и общество, ... является совместно-разделенный труд. ... Нет ни одного экономического явления, которое не являлось бы конкретной формой совместно-разделенных отношений и не содержало бы их в себе» [с. 217]. При этом А.А. Гриценко не указывает, почему он предпочитает термин «совместно-разделенные отношения» термину «производственные отношения», в чем отличие первых от последних. Автор, по существу, полагает, что

определенность совместно-разделенным отношениям (сущности) придают институты, и ратует за развитие «институциональной политической экономии» [с. 218]. Поэтому можно сделать вывод о том, что он расширяет предмет политэкономии за рамки производственных отношений, включая в него всевозможные социальные нормы (в том числе нормы права, морали, религии и т.д.).

Г.В. Задорожный полагает, что политическая экономия связана с «поверхностно-схематическим упрощением в постижении реальности», а необходимо «...сущностное углубление научных исследований человеко-размерности, где именно личность должна стать началом координат анализа. ...» [с. 758]. Поэтому он выступает за развитие «метафизики», «... выводящей на первый план целостность хозяйства как сферы жизнедеятельности человека (дом человеческий), той сферы, где множеством форм и уровней длится синкретичность личности посредством любви и творчества» [с. 759].

Е.П. Семенюк Е. П., Т.Ю. Туница и Ю.Ю. Туница для решения экологических проблем ратуют за развитие новой дисциплины – социальной экологии, объект которой – социозкосистемы [с. 1030]. При этом они не указывают, как соотносится эта дисциплина с политической экономией.

Ю.К. Зайцев считает, что «политическая экономия в рамках предмета и методологии XIX и XX столетий» не может обеспечить «проникновения в глубинные центростремительные основы функционирования системы, в данном случае системы экономической (а значит, социальной)», не может составлять «методологическую основу формирования целей экономической политики, конкретных моделей мотивации эффективного использования факторов производства, всех видов ресурсов цивилизационного характера для удовлетворения потребностей человека и общества». По мнению автора, «... современная политическая экономия в исследовании природы мотивов и характера отношений, как человека экономического, так и технологического, информационного (человека знаний), институционального (а, значит, и менталитетного), социального, политического, духовного может и должна использовать и формационный, и технологический, и функционально-факторный, и институциональный, и цивилизационный подходы, исходя из цели познать мотивационную сущность человека» [с. 224–225]. Иначе говоря, Ю.К. Зайцев выступает за расширение предмета политэкономии за рамки производственных отношений.

Бодров В.Г. усматривает необходимость во включении в предмет политической экономии таких вопросов, как «причинно--следственные связи и отношения процесса общественного воспроизводства», «проблематика собственности, экономической и социальной справедливости, цикличности и стадийности развития, экономической политики». Автор также выступает за «институционализацию политической экономии», т.е. за включение в ее предмет институтов [с. 677].

П.Г. Никитенко полагает, что для изучения проблем ноосферы необходима новая дисциплина: «ноосферная экономика» [с. 1004]. Однако автором не раскрывается соотношение ноосферной экономики и политэкономии.

Нам представляется, что в основе разногласий в трактовке предмета и роли политической экономии лежит прежде всего понимание самой категории «производственные отношения». Дело в том, что реальные общественные отношения представляют собой многостороннюю целостность, в которой одновременно присутствует и материальное содержание, и его отражение в сознании людей в разнообразных формах – в форме права, морали, религии, этики и т.д. Все эти стороны влияют друг на друга, взаимодействуют между собой. Производственные отношения – это не какая-то отдельная часть общественных отношений, занимающая некую нишу, а материальная сторона общественных отношений в целом. По известному определению К. Маркса, производственные отношения – это «определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения», в которые люди вступают «в общественном производстве своей жизни» и «которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил»; это – «способ

производства материальной жизни» (выделены нами – Н.В.), который «обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще».

П.Г. Никитенко полагает, что для изучения проблем ноосферы необходима новая дисциплина: «ноосферная экономика» [с. 1004]. Однако автором не раскрывается соотношение ноосферной экономики и политэкономии.

Нам представляется, что в основе разногласий в трактовке предмета и роли политической экономии лежит прежде всего понимание самой категории «производственные отношения». Дело в том, что реальные общественные отношения представляют собой многостороннюю целостность, в которой одновременно присутствует и материальное содержание, и его отражение в сознании людей в разнообразных формах – в форме права, морали, религии, этики и т.д. Все эти стороны влияют друг на друга, взаимодействуют между собой. Производственные отношения – это не какая-то отдельная часть общественных отношений, занимающая некую нишу, а материальная сторона общественных отношений в целом. По известному определению К. Маркса, производственные отношения – это «определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения», в которые люди вступают «в общественном производстве своей жизни» и «которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил»; это – «способ производства материальной жизни» (выделены нами – Н.В.), который «обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще».

Разумеется, материальная сторона общественных отношений не существует вне идеальной. Ее выделение в отдельный предмет изучения представляет собой абстракцию от других аспектов общественных отношений. Но это абстракция правомерна, поскольку производственные отношения обладают собственными, относительно самостоятельными законами функционирования и развития. Так же, как правомерно отдельное изучение правовых аспектов общественных отношений, политических, нравственных, психологических, религиозных и т.п., – чем и занимаются соответствующие научные дисциплины.

Более того, если стоять на материалистической точке зрения, – а именно соглашаться с тем, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [2], – то следует признать, что производственные отношения образуют *объективную* сущность общественных отношений, а правовые, нравственные, религиозные и прочие аспекты общественных отношений являются формами проявления этой сущности в сознании людей.

Законы функционирования и развития производственных отношений объективны, но проявляются только посредством субъективной деятельности людей, которая, разумеется, влияет на то, каким образом реализуются эти законы. Люди, пользуясь знаниями, добытыми политической экономией, могут использовать объективные законы в своей деятельности, но могут препятствовать им, что, разумеется, не может не воздействовать на ход общественного развития.

Материалистический подход к изучению общества, таким образом, отнюдь не означает ни механизма, ни автоматизма действия объективных законов, ни жесткой детерминированности поведения людей. Он позволяет установить, какие тенденции в обществе являются прогрессивными и что нужно для их реализации, как можно ускорить общественное развитие и что его затрудняет.

Противники материалистического подхода к исследованию общества нередко выдвигают тезис о том, что материалисты, де, забывают о «человеке», ради которого в конечном счете и ведется производство; что «человеку» материалисты отводят роль некоего «винтика» в действующем независимо от него механизме. В действительности же материалистический подход к изучению общества позволяет понять *сущность* поведения людей как *субъектов определенных производственных отношений*, поскольку производственные отношения определяют «материальный способ производства жизни» и объективные интересы их участников. В том числе

этот подход дает основу и для понимания того, каким образом и в каком направлении люди преобразуют сами производственные отношения. При этом, конечно же, не отрицается и влияние прочих факторов на поведение людей – всевозможных формальных и неформальных институтов и индивидуальных особенностей, но все они не относятся к предмету политической экономии. Это – предмет других общественных наук.

Причем необходимо отметить, что, изучая объективную сущность общественных отношений, политическая экономия создает научную основу для исследования всех других аспектов общественных отношений. Анализ правовых норм, норм морали, религии и т.п., если он ведется независимо от политико-экономического содержания общественных отношений, превращается в бесплодные хождения по «логическим порочным кругам». А если же он осуществляется на политико-экономической основе, то позволяет конкретизировать знания об обществе, представляет собой движение от сущности к формам ее проявления, от абстрактного к конкретному.

В этой связи вряд ли можно согласиться с одним из авторов монографии А.М. Колотом, который утверждает, что положение о первичности производственных отношений устарело. «Наличие подобных убеждений, – пишет автор, – может значить лишь одно: экономическое мышление, которое и по сей день доминирует в этой отрасли, сформировано у многих членов общества, включая ученых, на псевдонаучных трактовках непроизводственного, непродуктивного, исключительно затратного характера социальной сферы» [с. 810].

«Социальная сфера», – т.е. наука, образование, медицина, культура, социальные услуги и т.д., – это тоже разновидности производственных отношений («виды экономической деятельности»). И какую роль они играют в обществе, – «затратную» или «незатратную», – определяется в первую очередь именно *системой производственных отношений*.

Не соглашаясь с первичностью производственных отношений, А.М. Колот призывает «осознать как первостепенную духовную, моральную ипостась (человека – Н.В.), ее особую роль, специфику, как фундаментальное качество, которого лишены другие живые существа» [с. 814]. По мнению автора, «...следует осознавать самим и убедить других в том, что для того, чтобы стать на путь стойкого развития, необходимо, чтобы абсолютное большинство экономически активного населения и общество в целом пересекли «социокультурный», «социоморальный» барьер, иными словами, утвердились высокие общественные ценности, устранились существующие ментальные перекосы, сформировалась современная корпоративная культура» [с. 816].

Проповедь духовно-нравственных ценностей, на наш взгляд, конечно же, имеет важное значение. Но придавать ей первостепенное значение в деле переустройства общества, на наш взгляд, было бы очередной социальной утопией наподобие раннего христианства.

Авторы монографии В.Д. Базилевич и В.В. Ильин считают, что «видимая экономическая реальность» не является «последней, конечной реальностью». Истина, по их мнению, лежит за ее «пределами» [с. 164]. Для ее постижения, считают авторы, нужна метафизика, которая поднимает «проблемы «духа» и «души» экономики в качестве извечных метафизических проблем» [с. 167].

На наш взгляд, взятие за основу экономического исследования первичность «духа», «души» лишает исследователя твердой почвы, – каковой является именно «экономическая реальность», – и обрекает его на совершенно бесплодные умозрительные конструкции.

Приведенное выше определение производственных отношений – это наиболее общее их выражение. Процесс их познания выражается в развитии понятия производственных отношений – от наиболее общего и абстрактного ко все более сложному и конкретному. На этом пути каждое новое определение производственных отношений является уточнением и отрицанием предыдущего и в то же время отрицается и уточняется последующим, более развитым определением.

В этой связи различия в определениях производственных отношений, которые приводятся А.В. Сидоровичем, А.В. Бузгалиным, М.И. Воейковым, У.Ж. Алиевым, не носят принципиального характера. Каждое из них есть лишь определенная ступень развития понятия «производственные отношения». Поскольку производственные отношения образуют развивающуюся систему, то их научное понимание идет от наиболее общего и простого выражения системы («клеточка») ко все более конкретному – через исследования объективного хода становления и развития системы и ее перехода в иную систему.

Каждая система производственных отношений возникает при наличии соответствующего уровня производительных сил общества, сменяя предшествующую, которая создала эти производительные силы и являлась формой их существования. Заимствуя производительные силы, созданные предшествующей системой, новая система вначале своего становления сохраняет и обусловленные производительными силами *разделение труда и обмен деятельностью* между людьми. Последние, хотя и являются производственными отношениями, но отношениями, свойственными и старой, и новой системе на этапе становления новой системы. Поэтому разделение труда и обмен деятельностью не исчерпывают определенность систем производственных отношений. На стадии становления новая система отношений отличается от предшествующей прежде всего *типом присвоения* средств и результатов труда, хотя в последующем развитии она преобразует и производительные силы, и обусловленные ими разделение труда и обмен деятельностью, а также и экономическое содержание самого типа присвоения.

Рассмотрим в этой связи позицию А.А. Гриценко, изложенную выше. «Совместно-разделенные отношения», которые он считает предметом политической экономии, суть не что иное, как разделение труда и обмен деятельностью. Однако они не представляют собой *определенную* систему производственных отношений, хотя и присутствуют во всех системах этих отношений. Изучение такого предмета не может дать ничего, кроме абстрактно-всеобщих умозаключений. Поэтому для дальнейшей определенности предмета исследования А.А. Гриценко предлагает изучать институты, которые, по его мнению, являются «первой закрепленной формой совместно-разделенных отношений» [с. 218], т.е. придают определенность разделению труда и обмену деятельностью. В итоге автор выступает за развитие «институциональной политической экономии».

На наш взгляд, такой подход означает не только расширение предмета политической экономии за рамки производственных отношений, но и, по сути, уход от изучения самих производственных отношений в сферу правовых норм, нравственности, религии и прочих институтов. Автор как бы предлагает от разделения труда и обмена деятельностью сразу перескочить через производственные отношения в сферу общественной надстройки.

Разумеется, все более конкретное изучение производственных отношений закономерно выводит процесс познания на формы проявления производственных отношений – правовые, нравственные, религиозные нормы, т.е. на то, что принято называть институтами. И тут возникают два направления анализа: 1) изучение формирования и развития институтов как обусловленных производственными отношениями; 2) исследование влияния институтов на функционирование и развитие производственных отношений.

Первое из этих направлений, на наш взгляд, означает выход за рамки предмета политической экономии, и относится к задачам других наук, изучающих соответствующие аспекты общественных отношений, – политологии, правоведению, истории и т.д. Влияние же институтов на производственные отношения, по нашему мнению, образует предмет системы экономических наук, построенных на базе политэкономии, изучающих особенности проявления экономических законов, таких, как мировая экономика, национальная экономика, государственное регулирование экономики, экономика фирмы и т.д.

Научное направление, получившее название «институциональная экономическая теория», по существу пытается рассматривать оба указанных направления в их единстве. На наш взгляд, это направление уже не может называться политической экономией, раз оно имеет существенной иной предмет исследования.

В то же время нельзя не согласиться с одним из авторов монографии, В.Г. Бодровым, который отмечает, что «... институционализация политической экономии значительно расширяет и обогащает предметную и методологическую области процесса познания закономерностей хозяйственного развития, что имеет сегодня исключительное значение для понимания поливариантной сути глобального кризиса и поиска путей его преодоления» [с. 677]. Однако при этом необходимо иметь в виду, что при рассмотрении взаимодействия производственных отношений и институтов необходимо опираться на материалистическое понимание общества – на тот факт, что определяющим в этом взаимоотношении все же являются производственные отношения, а не институты. И если недостаточно изучены законы производственных отношений, то исследование институтов само по себе может мало что дать для понимания процессов в современном мире.

Оригинальную точку зрения отстаивает Ю.М. Осипов. Он разделяет понятия «хозяйство» и «экономика». Хозяйство в трактовке автора, это – «реальное жизнеотправление человека» (производство, распределение, потребление благ). А «экономика», по мнению автора, «... вся в сфере сознания, в ноосфере, в людях, в их, можно надеяться, головах». Экономика, как «частный случай хозяйства», отождествляется Ю.М. Осиповым с «хрематистикой», стоимостью, капиталом, иначе говоря, – с буржуазным обществом. Стоимость, по мнению автора «не материальна». «Стоимость – ... это совершенно идеальная, духовная, эфирная вещь» [с. 662]. Ю.М. Осипов полагает, что «... Экономика наверху, – это надстройка, а хозяйство внизу – это базис, но с тем условием, что не базис определяет функционально надстройку, а надстройка – базис» [с. 666].

Ни «нынешнему финансизму», ни социализму, по мнению Ю.М. Осипова, политэкономия не нужна. «Время политэкономии, – пишет он, – видно, и в самом деле уже ушло» [с. 665].

На наш взгляд, цитируемый автор под хозяйством понимает производственные отношения вне их определенности типом присвоения. А капиталистический тип присвоения, выросший из товарного обмена, отказывается признать материальным, целиком относя его к сфере идеального. Причем автор полагает, что идеальное («экономика») играет определяющую роль по отношению к материальному («хозяйству»). Отсюда следует, что для преодоления «экономики» нужно лишь изменить сознание людей. Но что же заставит людей отказаться от «стоимости» и перенести в свое сознание недеформированный стоимостью образ «хозяйства»? Изучение «философии хозяйства»?

Кроме того, в «хозяйстве» не определен тип присвоения. Поэтому, руководствуясь «философией хозяйства», вряд ли возможно выяснить, какой тип присвоения должен закономерно образоваться после устранения «экономики», т.е. капиталистического производства. Тем более на основе такой «философии» не удастся определить, каким образом будет создан новый тип присвоения и через какие этапы он будет проходить в своем развитии.

На поставленные актуальнейшие вопросы сможет ответить только политическая экономия, которая рассматривает процесс производства и присвоения прибавочной стоимости как *материальный*, – а не идеальный, – процесс, лежащий в основе буржуазного общества; политэкономия, которая за «стоимостью» видит определенное *материальные* отношения между людьми, хотя бы и отражаемые в разнообразных вариантах в головах людей.

Поэтому научная политэкономия необходима для преобразования нынешнего «финансизма» в более прогрессивное общество, для становления и развития этого нового общества. Поэтому большинство авторов рецензируемой монографии и ратуют за возрождение политической экономии.

В своем развитии производственные отношения, будучи формой существования производительных сил, опосредуют взаимодействие общества и природной среды. Общественное производство, с одной стороны, преобразует окружающий мир, но, с другой стороны, само изменяется под влиянием имеющейся и преобразуемой им природы.

Отсюда, в частности, следует, что для понимания функционирования и развития производственных отношений, необходимо исследовать влияние природной среды на содержание и формы производственных отношений. Этот аспект входит в предмет политической экономии и других, более конкретных экономических наук (экономика природопользования, государственное регулирование экономики, национальная экономика и др.). Но необходимо также изучение и влияния производственных отношений на состояние окружающей среды, что является уже предметом не политической экономии, а других наук (экологии, обеспечение жизнедеятельности и т.п.).

Есть основания и для исследования единства двух моментов: влияния производственных отношений на природную среду и обратного влияния окружающей среды на производственные отношения, а в более широком смысле – взаимодействия всей с общественной системы и природной среды, ноосферы. Видимо, такое научное направление имели в виду авторы монографии Е.П. Семенюк Е. П., Т.Ю. Туница и Ю.Ю. Туница, предлагая ввести новую дисциплину – «социальную экологию», предмет которой обозначен ими как «социоэкосистемы» [с. 1030]. Правда, авторы не приводят каких-либо новых результатов, полученных ими в рамках этой дисциплины. Думается, что новые выводы, относящиеся к решению экологических проблем, могут быть получены прежде всего на основе политико-экономического анализа, детализированного другими научными дисциплинами.

Другой автор, П.Г. Никитенко, предлагает развивать направление, названное им «ноосферной экономикой», под которой он понимает разработку проекта совершенного во всех отношениях общества будущего [с. 1004–1022], чем-то напоминающего социальные утопии 16–19 вв. А хотелось бы увидеть анализ реальной картины взаимодействия экономической системы и природной среды и рассмотрение реалистических путей разрешения нарастающих глобальных проблем. И сделать это можно, на наш взгляд, только на основе политической экономии.

Своеобразную трактовку предмета политической экономии предложил В.Н. Тарасевич. С его точки зрения, политическая экономия, это – «наука о богатстве». Автор различает две основные формы богатства: «экономическое» и «социальное», которые дополняются «синтетическим» и «переходным». В рамках «экономического богатства» В.Н. Тарасевич выделяет «стоимостную» и «полезностную» «формы богатства» [с. 185–187].

В «стоимостной форме богатства» автор видит три «уровня»: I – «стоимостные формы богатства и видимые взаимосвязи между ними»; II – «причины и источники стоимостного богатства»; III – «социально-экономическая проблематика богатства, отношения людей в производстве жизни». При этом производственные отношения связываются им только с третьим уровнем.

Создается впечатление, что автор допускает возможность анализа «стоимостных форм богатства и видимых взаимосвязей между ними»; «причин и источников стоимостного богатства» вне производственных отношений. Но ведь эти аспекты «стоимостного богатства» – не природные явления, а формы именно производственных отношений. Поэтому, кроме внешнего описания, о них вряд ли что-то удастся узнать без анализа производственных отношений.

К «полезностному богатству» В.Н. Тарасевич относит, по-видимому, полезные свойства продуктов и услуг. На его взгляд, с изучением этого аспекта «богатства» связаны «теория факторов производства и триединый источник богатства», «теория предельной полезности», «полезностное

богатство с позиций субъекта-потребителя», «микроэкономические и макроэкономические аспекты богатства». Причем производственные отношения автор не указывает в качестве объекта анализа «полезностного богатства». Иначе говоря, В.Н. Тарасевич полагает, что полезные свойства продуктов и услуг должны рассматриваться вне и независимо от производственных отношений [с. 185–187]. В таком случае, как писал К. Маркс, они являются объектом вовсе не политэкономии, а товароведения². Товароведы намного лучше разберутся с этими свойствами продуктов, чем политэкономы.

Что же касается теории факторов производства, теории предельной полезности, то они предполагают измерение «капитала» и продуктов *ценами*, т.е. именно стоимостными формами. Вне цен ни размер капитала, ни величина «реального объема продукции» в них просто не определены. В указанных теориях изучается принятие решений рыночными субъектами на основе заданных цен, т.е. опять-таки производственные отношения. Соизмерение полезности товаров в них считается заданным извне. Для товароведения они ничего нового дать не могут, да и не ставили такой цели. Цены и обмен отсутствуют только у Робинзона, живущего на необитаемом острове и не участвующем в общественных отношениях.

Если говорить о «микроэкономических» аспектах богатства, – т.е. богатства на уровне отдельных субъектов экономики, – то и здесь никак не обойтись без анализа производственных отношений, в которых эти субъекты участвуют. Иначе не понять, как оно формируется и воспроизводится. И тут требуется анализ обмена и стоимостных измерителей продуктов и услуг.

Это же относится и к «макроэкономическим аспектам богатства». Для понимания его воспроизводства требуется анализ производственных отношений. В основе многих макроэкономических показателей лежат стоимостные измерители (система национальных счетов). Неясно, какие именно «полезностные» аспекты автор имеет в виду. Если полезность для общества, то как ее измерить, в чем она выражается?

Что касается «социального богатства», то его «главной составляющей», по мысли В.Н. Тарасевича, является «человек-личность». Судя по тексту, автор полагает, что и для анализа «социального богатства» не требуется изучение производственных отношений. «Субстанцией» «социального богатства» автор считает «очеловечивающую деятельность». Завершается анализ социального богатства, по его замыслу, рассмотрением «деятельного человека» «как противоречивого триединства индивидуального, ассоциированного и универсального» [с. 187–188].

Однако если «человек-личность» занимается «очеловечивающей деятельностью», то он никак не может обойти производственные отношения. Участвуя в них, он неизбежно становится представителем определенного класса, слоя, группы, а не просто «человеком-личностью». У него появляются объективно определенные интересы, которые обуславливают его действия, в том числе – в «очеловечивающей деятельности». Он начинает подстраиваться к экономическим законам, лежащим в основе материального процесса производства его жизни, определенными производственными отношениями.

Поэтому понятие деятельность «человека-личности» «как противоречивого триединства индивидуального, ассоциированного и универсального» невозможно вне и независимо от производственных отношений. Анализ производственных отношений необходим и для того, чтобы выяснить, при каких производственных отношениях достигается социально-экономическое равенство людей, обеспечивается полное благосостояние и всестороннее развитие всех членов общества, а не некоего абстрактного «человека-личности». Он требуется и для того, чтобы понять, каким образом перейти к этим производственным отношениям. Иначе говоря, анализ «экономической» и «социальной» «форм богатства» – это анализ в первую очередь именно *производственных отношений*. Это же относится и к прочим «формам богатства», названным В.Н. Тарасевичем [с. 186–187].

¹ «Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины — товароведения» [3].

Попытки же взять «личность» в качестве исходного пункта понимания общества неизбежно ведут в мир «духа», а далее – к религиозным догматам. Так примерно и получилось у Г.В. Задорожного – одного из авторов монографии. Отрицая материалистическое понимание общества, он предлагает начать анализ общества с «человека», «личности», «духовного» (которое, по его мнению, первичнее и «реальнее» материального) и в итоге призывает перейти на позиции христианства (почему не иудаизма, ислама или буддизма?)

Похожие взгляды излагают и Л.Р. Лыско с Т.Ю. Туницей [с. 190–201].

Другой вариант исследования «человека» предлагает Ю.К. Зайцев. Он полагает, что «современная политическая экономия» для познания «мотивационной сущности человека системного» должна изучать его «как человека экономического, так и технологического, информационного (человека знаний), институционального (а, значит, и менталитетного), социального, политического, духовного» [с. 233]. В таком случае предмет политической экономии расширяется до предмета, по сути, всех общественных наук. На наш взгляд, от политической экономии требуется доскональное изучение хотя бы экономических законов, а с прочими сторонами его жизнедеятельности лучше справятся соответствующие научные дисциплины, опираясь на экономические законы, лежащие в основе «поведения» людей.

(Продолжение в одном из следующих номеров).

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифоров О. Карт-бланш. Сорос призывает Брюссель не бояться войны с Россией [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2015-04-07/3_kartblansh.html
2. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие /К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2. – Т.13. – С.7-8.
3. Маркс, К.Капитал. Т.1 /К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т.23. – С. 45.